

В качестве описательной преамбулы скажу, что Андрей Григорьевич Терентьев является одним из старейших членов Амурской писательской организации, в августе ему исполнится 78 лет. Едва окончив школу, он попал в смертельную мясорубку. С первого дня Великой Отечественной А. Терентьев на фронте. Сначала рядовой, минометчик батальона, а к концу войны — гвардии старший лейтенант, командир батареи. Ранениями, контузиями и боевыми наградами отмечен солдатский путь.

После войны его позвала стезя гидростроителя. Камская, Воткинская, Волгоградская, Саратовская и еще ряд ГЭС волжского каскада. В расцвете профессионального мастерства приезжает А. Терентьев на Дальний Восток монтировать турбины Зейской гидростанции да так и остается навсегда, прикипев душою к нашим живописным краям. Ведь к тому времени он становится и писателем, автором ряда книг о войне и буднях рабочего класса, принадлежностью к которому А. Терентьев гордится всю жизнь. Раньше его очерки печатал в журнале «Новый мир» сам А. Твардовский. Становится наш земляк и постоянным автором журнала «Дальний Восток», альманаха «Приамурье мое», газеты «Амурская правда». В 1979 году А. Терентьев был принят в ряды Союза писателей СССР. А через девять лет он выпускает в свет свою новую книгу «Такая доля».

Ну а теперь перейду к сути дела.

В канун своего 75-летнего юбилея задумал Андрей Григорьевич издать в некоем роде итоговую книгу, и даже название подобрал ей соответствующее — «В последнем счете». Все бы ничего, да на дворе свирепствовала вовсю перестроечная анархия, государственные издательства приказали долго жить. Остро встал вопрос, который Пушкин выразил лаконически: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Однако продать рукопись честного человека нынче гораздо сложнее, чем сбыть ворованные таблички из цветного металла с надгробий павших воинов.

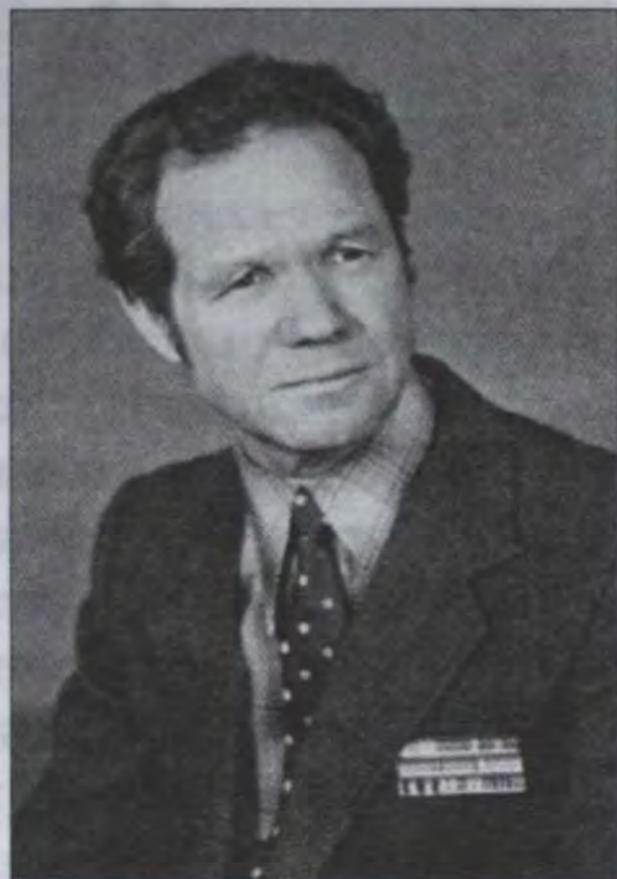
Как развивались события дальше, расскажут отрывки из писем Андрея Григорьевича, написанных в Амурскую писательскую организацию за последние три года. Я опускаю некоторые места личного свойства и, для экономии газетной площади, — величания-прощания.

Зима 1997–1998 гг. «...В воздухе носится идея издать мою повесть о гидростроителях «В последнем счете». В Зее этим вопросом занимается директор Северных электросетей Леонид Алексеевич Кожевников, который выбивает деньги для издания книжки. Он депутат областного Совета, и, по его словам, идею издания книжки поддерживает губернатор А. Белоногов, а также фракция коммунистов в областном Совете. В общем, все есть, за исключением одной «мелочи» — 40 000 рублей. Сама рукопись находится сейчас у Ананьева С. Н. (амурский журналист, издатель ряда газет и журналов. — И. И.). Он рукопись уже отредактировал. В этом я ему доверяю. Он заверил, что при наличии денег издаст книгу в течение полутора месяцев, с соответствующим качеством. Для пользы дела надо бы свести Кожевникова и Ананьева лицом к лицу, но сам я пока этого не добился. У Кожевникова я не раз бывал на приеме, а с Ананьевым связаться по телефону не могу. Да и трудно мне из-за плохого слуха (последствия фронтового ранения. — И. И.) разговаривать по телефону...»

От автора. Комментировать письмо нет особой необходимости. У писателя есть рукопись. Он затеял ее опубликовать, ищет помощников в этом деле, говоря современным жаргоном — спонсоров. Дай Бог удачи!

Май 1998 г. «...Мои дела по-обычному: лучше — хуже, хуже — лучше. В общем, понемногу скриплю. С книгой пока самому многое неясно. Целиком положился на С. Ананьева. Где-то он обещал прислать мне кое-какие документы. Вот и жду. Погода неустойчива весьма...»

20 августа 1998 г. «...Решением областного Совета выделено 40 000 рублей на издание моей книжки «В конечном счете» (обстоятельства заставили автора трансформировать название книги. — И. И.). Быть редактором взялся С. Н. Ананьев, с полного моего согласия, разумеется.

Андрей Григорьевич
Терентьев

Мы договорились о внешнем оформлении книги, о тираже — 3000 экземпляров. Ананьев меня заверил, что как только поступят деньги, то уже в июле он книгу издаст. Но все пошло наперекосяк. Лишь в начале августа поступило только 20 000 рублей. Это со слов Л. А. Кожевникова. Но дальше началась какая-то «мышинная возня». Вроде перечисленные деньги изъят (перехватил) банк, которому Ананьев задолжал большую сумму. Меня Ананьев интересуется как весьма квалифицированный редактор, а в его делах пусть разбираются соответствующие органы. К тому же по калькуляции — для издания книжки требуется не 40 000, а 58 000 рублей. Недостающие 18 000 Ананьев обещал (неизвестным мне способом) перекрыть за счет журнала «Амур наш батюшка», который ныне он редактирует. Я попросил его, чтобы он пояснил мне складывающуюся ситуацию, но он упорно молчит. Живу на одних нервах. Если на пути издания книги сложились неодолимые трудности, то пусть мне так и скажут...»

От автора. До боли знакомая ситуация! Писатель надеется и ждет, а в механизм издания книги кроме обещанных денег попал и песок... И уже настораживает молчание, в зону которого попал и без того плохо слышащий ветеран войны и труда писатель Терентьев. По просьбе Андрея Григорьевича, живущего в городе Зее, я наконец-то сумел разыскать едва ли не шерлок-холмсовским способом С. Ананьева. Он мне сообщил, что книга практически готова, осталось получить вторую половину выделенной Советом суммы и отдать книгу в печать. Задержка лишь в департаменте финансов обладминистрации. В областном Совете я получил заверение в том, что ситуация будет разрешена в пользу писателя. На всякий случай обратился и в контрольно-счетную палату к Г. М. Королеву с просьбой не допустить, чтобы народные деньги улетели на ветер. Обо всем отписал в Зею Терентьеву и получил вот такой по-солдатски и по-рабочему резкий ответ.

1 февраля 1999 г. «...За письмо спасибо. Оно кое-что прояснило. Но поведение Ананьева все-таки не понимаю. Если произошла заминка с финансами или какие-либо причины, то он мог бы поставить меня в известность. Единственное объяснение его поведению нахожусь в том, что он, завладев половиной выделенных на издание денег (20 000 рублей), истратил их на собственные нужды. У меня с ним заключен письменный «Договор», но я, доверчивый дурак, даже не взял один экземпляр этого «Договора». При встрече я чувствовал себя весьма неважно, и он, видимо, заговорил мне зубы. Ныне создается впечатление, что он уже тогда подготовлял почву для мошенничества.

Не представляю, что мне делать дальше. Хвори исключают поездку в Благовещенск. Остается надеяться, что благовещенцы общими усилиями раскроют эту грязную историю до логического конца. Мне, автору, вроде и нескромно так говорить, но все же скажу: считаю, что эта история должна получить общественное звучание. Какие мы ни есть, но все-таки писатели, и наши честь и достоинство выходят далеко за личностные рамки.

Если издание книжки все-таки не перечеркивается, то с этим делом надо поспешить. Вопрос стоит так: переживу я 99-й год или не переживу?

На мой взгляд, возможен такой вариант. Рукопись книги «В конечном счете» и рукопись очерка «Крепись, прораб», а также книжку о гидростроителях, которую я дал Ананьеву для «расширения его кругозора», — все это у него забрать. И человек (только не алкаш!), изъявивший желание взяться за издание книжки, заберет все выше перечисленное и приедет в Зею. Дорогу я оплачу. 200 рублей как-нибудь насобираю. А жить он будет у меня...»

9 февраля 1999 г. «...Вчера получил письмо от С. Н. не по почте, а с посылным. Ананьев продолжает утверждать, что мою книжку он издаст, как только ему перечислят вторую половину выделенной суммы (20 000 рублей). Я ему верю и не верю.

16 февраля начнется сессия областного Совета. Там будет и Л. А. Кожевников. Я передал ему «Доверенность», заверенную нотариусом. Она дает ему право перечислять «книжные деньги» по назначению и контролировать их расходование. На мой взгляд, Кожевникова и Ананьева надо свести вместе, и их разговор расставит все точки...»

От автора. Очевидно, газетному магнату С. Ананьеву недосуг было встретиться с народным депутатом и отчитаться в расходовании полученных денег. И пришлось старику Терентьеву собираться в путь-дорогу.

18 сентября 1999 г. «...Где-то в середине августа я все-таки решился и приехал в Благовещенск. Неважное самочувствие меня торопило, и я спешил на встречу с Ананьевым. Потом пришлось побегать по конторам насчет получения слухового аппарата. Затем заглянул в «Амурскую правду» и вдобавок ко всему безрезультатно побегал по аптекам в поисках нужного лекарства...

При встрече с Ананьевым С. Н. я не нашел за ним вины в задержке моей книжки. Вполне допускаю, что за Ананьевым есть кое-какие

«хвосты», но никаких его грехов по отношению лично ко мне я не нашел...

Я оставил письмо в канцелярии Марценко В. В. с просьбой, чтобы он поручил компетентному человеку разобраться во всей этой запутанной истории и дать мне конкретный ответ: будет книжка напечатана или нет. Эту просьбу я повторил лично самому Марценко В. В. во время его приезда в Зею. Жду результата. Книжка уже вымотала мне нервы...»

От автора. Отдадим должное дипломатическим способностям С. Ананьева и подивимся хладнокровию чиновников, позволяющих развиваться (а вернее, стоять на месте) мучительным для инвалида войны событиям.

1 октября 1999 г. «...Я, Терентьев Андрей Григорьевич, голосую за избрание Игнатенко Игоря Даниловича на съезд Союза писателей России... Мое тебе пожелание, Игорь: постарайся выступить на съезде. Скажи, что за всю историю России не было столь похабного отношения к отечественным писателям. Ведь ныне они дальше, чем за чертой бедности. Их не печатают, их голоса не слушают...»

От автора. Наказ старшего товарища я выполнил, выступил на съезде перед лицом лучших писателей России и рассказал о трудностях бытования литераторов Приамурья, в том числе и А. Терентьева. Я уже писал в «Амурскую правду» об этом, так что не будем отвлекаться, а вернемся к теме статьи. Сообщил и Андрею Григорьевичу, что живут писатели России тяжело, но всего тяжелее их судьба у нас, на Амуре. В этом я убедился, слушая выступления других делегатов съезда, беседуя с ними за рюмкой чая, как говаривал незабвенный Борис Машук, в литературном кафе «Стойло Пегаса».

10 декабря 1999 г. «...Прочитал твое письмо и чуть не заплакал. Самое подлое в нынешнем положении то, что художественная литература никогда не оставалась должником перед государством...»

Здоровье подводит. В начале октября дважды терял сознание. Еле-еле перебился. В Зее идут разговоры, что Сергей Ананьев посажен. Так ли? При последней встрече с ним он заверил, что его проверяли (по линии губернатора?) и никаких грехов за ним не нашли. В свое время он не поладил с «Амурской правдой», и не здесь ли собака зарыта? Да и я не держусь за Ананьева мертвой хваткой. Пусть кто-то из «критиков» берет дело в свои руки и издает мою книжку. Такое издание явилось бы делом принципиальным, напоминающим, что литература все-таки дело государственное и амурские писа-

тели проводники этого государственного дела, а отнюдь не бедные родственники...»

От автора. Это не наивность, это стон души и последняя надежда на торжество разумности и справедливости. Но кто возьмется делать книгу Терентьева сегодня, когда нет отчета об уже истраченных на нее деньгах? Что, разве С. Ананьев вернет новоявленному издателю и рукопись, и 20 000 рублей? Очень сомневаюсь!

Тяжело пережил Андрей Григорьевич потерю друзей — писателей Бориса Машука и Виктора Яганова. Такое не прибавляет здоровья. Вот почему последнее письмо Андрея Григорьевича столь кратко.

7 апреля 2000 г. «...Одновременно с этим письмом написал и письмо С. Ананьеву. В том письме прошу, раз у него ничего не получается с изданием моей книжки, вернуть мне в Зею рукописи. И пусть перешлет все мое, что у него еще имеется...»

P. S. Итак, ни книги, ни денег... А кое у кого — элементарной порядочности и совести, но эти выводы пусть делает сам читатель. На последнем собрании Союза журналистов Амурской области в своем выступлении я кратко рассказал об этой истории перед лицом коллег-журналистов и высшего областного начальства. И вот уже в самом конце мая в областном Совете мне сообщают, что С. Ананьев готов (!?) выпустить книгу А. Терентьева тиражом в 180 экземпляров. Автору, дескать, и этого достаточно, да и больше читатели не купят. Не берусь комментировать это «жизнеутверждающее» заявление.

«Амурская правда», 6 июня 2000 г.

P. P. S. Прошло еще четыре года мытарств старого заслуженного ветерана войны и труда. По мере сил собратья А. Терентьева по творчеству, а пуще того супруга Лидия Ивановна, немногочисленные оставшиеся в живых родные и близкие люди, друзья-фронтовики, как могли, толкали бюрократический «воз» из последних сил. А сил становилось все меньше и меньше, особенно у Андрея Григорьевича. Уже и не верилось, что наши хлопоты увенчаются успехом.

31 января 2004 года в «Амурской правде» был опубликован очерк об А. Терентьеве «После Сталинграда я начал уважать немцев». Опускаю повествование написавшего очерк журналиста П. Кижаяева. Позволю себе лишь процитировать прямую речь Андрея Григорьевича.

Юбилей А. Г. Терентьева (75 лет) и О. К. Маслова (65). Слева направо: Валерий Побережский, Олег Маслов, Алексей Воронков, Андрей Терентьев, Игорь Игнатенко, Галина Беляничева, Станислав Федотов, Борис Машук, Александр Бобошко. 1997 г.

Столько в ней человечности, лишь сильные духом люди могут так говорить о своих противниках.

«На Сталинградский фронт я прибыл сразу после окончания военного скороспелого училища. Открывались такие в войну для фронтовиков. Понятно, офицеров на фронте не хватало, особенно младших. Лейтенанты погибали часто.

Ситуация в моем полку после боев в Сталинграде сложилась непростая: полк понес немалые потери, да и техника пострадала — несколько боевых установок или сгорели, или оказались безнадежно искалеченными. Сам полк раздерган примерно на восемьдесят километров между двумя деревнями. А тут еще пленные...

Наша разведка ошиблась: в окружение попало не девяносто тысяч, как предполагали вначале, а триста тысяч вражеских солдат и офицеров. Наше командование не рассчитывало на такой «прилив» пленных, и, естественно, не могло обеспечить им кров над головой и маломальское питание. Какое! Своими ранеными землянки были забиты... Вот тогда я и посмотрелся на немцев, румын и итальянцев.

Представьте себе вереницу пленных, которая растянулась на семьдесят километров. Одетые (вернее сказать, «раздетые») в на-

сквозь продуваемые шинелишки... У некоторых поверх сапог или ботинок сплетенные из соломы или веревочек боты. Наши конвоиры шли с опущенными вниз автоматами: все равно никто никуда не сбежит...

Были и такие моменты. Я сам их наблюдал. Когда пленные переходили овраги, внизу почти всегда оставалось несколько обессиленных солдат. На это конвоиры смотрели равнодушно. Да и что в таком случае они могли сделать?.. Тут я невольно испытал некоторое даже уважение к немцам: они не бросали своих обессиленных товарищей. Поднимали их и, поддерживая, упрямо шли туда, куда их вели конвоиры.

Зато румыны и итальянцы являли собой самое жалкое зрелище. Если падал кто-то из них, то недавний его же товарищ подбегал и сдергивал с него, еще живого, шинель и накидывал на себя. Сказывалось звериное правило войны: «Если товарищ упал — снимай с него шинель. Пока он живой, одежда теплая».

После погрузки пленных в вагоны конвоиры рассказывали, что, когда в вагоне оказывалось хотя бы треть немцев, они выбрасывали наружу всех итальянцев и румын. Не хотели быть с ними вместе. Немцы считали их главными виновниками своего поражения. Румынские и итальянские части держали фланги, а по флангам наши и ударили...

Часть пленных, в основном итальянцев, оставили в Сталинграде убирать убитых. Гора трупов, как сейчас помню, возвышалась до второго этажа. Ко всему привыкшие сталинградцы проходили мимо трупов не задерживаясь. Для меня же это было страшное до жути зрелище. А я ведь был уже не мальчик! Повоевал. И всякое видел. Но здесь так и хотелось спросить пленных, обессиленных, обмороженных:

— Куда вас черт завел! Россия вам не Санта-Мария...»

Не думаю, что эта публикация в центральной областной газете явилась решающим фактором, повлиявшим на судьбу книги А. Терентьева. Она влилась еще одной каплей в чашу страданий — и переполнила ее. Поднапряглись чиновники и сделали то, что должны были сделать хотя бы двумя годами ранее, к 80-летию писателя. Книга в 2004 году наконец-то увидела свет. Тираж в 300 экземпляров едва ли удовлетворил широкий читательский спрос, но в библиотеки попал. Краткое вступление к ней написал известный

русский писатель, побратавшийся с Терентьевым своей фронтовой молодостью.

«...Живет на Дальнем Востоке в таежной глухомани, возле им самим построенной гидростанции мой побратим по войне и литературе, очень порядочный человек, честно провоевавший и честно проработавший на советских стройках и не сломленный ни давним недугом, ни порядками нашего могучего прогресса в отечественной пестрой литературе. Живет и пишет, преодолевая фронтовое увечье, хвори, кои густо скапливаются к старости лет. Надо собрать в одну книгу все, что сделано им, добротнo, достойно его характера и таланта, да и издать хорошим тиражом, в хорошем оформлении. Он заслужил это.

Виктор Астафьев».

Через два года Андрей Григорьевич Терентьев ушел из жизни. Случилось это 5 января, в лютую стужу. Иней густо опушил деревья и дома возле плотины построенной им гидростанции. Черная вода не давала нарастать льду и далеко вниз по течению несла свою силу, часть которой отдала людям в турбинах, сработанных золотыми руками Андрея Григорьевича и его товарищей. И мой компьютер, на котором я пишу эти строки, работает на электроэнергии Зейской ГЭС.

2012